

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ՓԻԼԻՍՈՓԱՅՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՖԱԿՈՒԼՏԵՏ
ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՄԲԻՈՆ

**ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ԿԱՐԳԱՎԻՃԱԿԸ.
ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ, ԲՆԱԳԻՏԱԿԱՆ,
ԹԵ՝ ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ**

ԳԻՏԱԺՈՂՈՎԻ ՆՅՈՒԹԵՐ

Հոկտեմբեր 28, 2015

ԵՐԵՎԱՆ
ԵՊՀ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
2015

ՀՏԴ 159.9:06
ԳՄԴ 88
Հ 730

Ժողովածուի հրատարակումը երաշխավորված է
ԵՊՀ փիլիսոփայության և հոգեբանության ֆակուլտետի
գիտական խորհրդի կողմից

Խմբագրական խորհուրդ
Գլխավոր խմբագիր

հոգ. գիտ. դոկ., պրոֆ. **Գ. Մ. Շահվերդյան**
փիլ. գիտ. դոկ., պրոֆ. **Էդ. Ա. Հարությունյան**
հոգ. գիտ. թեկ., դոց. **Ս. Ֆ. Սարգսյան**
հոգ. գիտ. թեկ., դոց. **Ն. Հ. Հարոյան**
հոգ. գիտ. թեկ., դոց. **Ա. Թ. Կոբեյյան**
հոգ. գիտ. թեկ., ասիստ. **Ի. Ա. Ղազարյան**
դասախոս **Գ. Ս. Պետրոսյան**
դասախոս **Ֆ. Ն. Բազոյան**
դասախոս **Մ. Վ. Ավետիսյան**

Գիտաժողովի կազմակերպմանն աջակցելու համար
շնորհակալություն ենք հայտնում ՀՀ ԳԿՆ ԳՊԿ-ին

Հ 730 «Հոգեբանության կարգավիճակը. հումանիտար, բնագիտական,
թե՛ սոցիալական»: Գիտաժողովի նյութեր: ԵՊՀ փիլիսոփայու-
թյան և հոգեբանության ֆակուլտետ, սոցիալական հոգեբանու-
թյան ամբիոն.- Երևան, ԵՊՀ հրատ., 2015.- 170 էջ:

ՀՏԴ 159.9:06
ԳՄԴ 88

ISBN 978-5-8084-2047-2

© ԵՊՀ հրատ., 2015
© Կազմողի համար, 2015

ПСИХОЛОГИЯ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

***Ключевые слова:** психология, естественно-научность, социальность, индивидуальное сознание, математика, объективность, субъективность.*

*Две области: сияния и тьмы
Исследовать равно стремимся мы.
Е.А. Баратынский*

Если относить данный эпиграф к психологии, то под «тьмой» надо понимать тело, а под «сиянием» – душу. Судьбы психологии с самого начала определялись на линии выяснения отношений между психическим и соматическим, и одновременно она всегда стояла перед альтернативой исследовать третье – социальное, так что современный статус психологической науки по-прежнему блуждает между этими тремя. Было бы нецелесообразным выяснять, относить ли статус психологии к естественно-научным, гуманитарным или социальным наукам (social sciences), если бы вследствие этого не расшатывались основания самой науки, «предполагающей», однако, что стоит на прочных основаниях. Чем незыблее кажутся эти основания, тем сомнительнее, невзирая на математическую обработку данных, оказываются научные выводы и тем более психологи полагаются на инерцию опыта предшествующих исследований, всячески избегая проблемы выяснения собственного статуса. Раставив по трем сторонам предмет изучения, внутри психологии эти статусы «умудряются» сосуществовать: то перекидываясь совпадающими фактами, то «наступая друг другу на ногу».

Поскольку проблема эта является сверстницей самой психологии, имеет смысл вернуться к ее истокам. Вот свидетельство столетней давности: ввиду того, как считают Н.О. Лосский и Э.Л. Радлов, что «определение понятия психологии есть одна из труднейших проблем, и не уставлено точно, какая группа фактов подлежит исследованию этой науки (одни психологи затрачивают силы на исследование ощущений, другие – сознания и пр.), поэтому редакция сборников "Новые идеи в философии" сочла полезным поместить в первом сборнике, посвященном психологии, статьи, содержащие в себе попытки отграничить область психологии от остальных наук» [1].

Наивно предполагать, что вследствие дальнейшего развития и разветвления психологии, вопрос разрешился механически: социальными проблемами должна заниматься социальная психология, естественно-научными – психофизиология и клиническая психология и т.д. Ибо таким путем не представляется возможным отвертеться от ряда вопросов: а какая психология не социальная? Не являются ли основания психотерапии, как цель и предназначение клинической психологии, гуманитарными? Относить ли психологию развития к гуманитарной области, под флагом которой проводится наблюдение и сбор данных, к психофизиологии, которая идет в полном соответствии с чисто психологическими проявлениями, или к социальным наукам, вне которых это развитие немислимо? Проблема не разрешается также при условии, если мы разведем методы исследования по разным психологическим дисциплинам: в социальных науках правомерно использовать статистический метод, в детской психологии – проективные методы, в клинической – специальное психодиагностическое тестирование и пр.

Очевидно, что прежде, чем определять правомочность методов, необходимо выяснить, что есть предмет психологии, ибо метод есть исходное от предмета, а статус науки с необходимостью вытекает из последнего. Невзирая на само собой разумеющиеся ответы, как то: предметом изучения клинической психологии является психология больного человека, общей психологии – функции и психические явления, социальной – психология группы или индивида в группе и т.д., необходимо вернуться к искомой проблеме, а именно, является ли предметом психологии индивидуальное сознание (мышление, поведение и пр.) или «сознание» среднестатистическое. На заре становления психологии как науки вопрос решался совершенно категорически: «Кто объявляет психологию всеобъемлющей и господствующей наукой, должен мыслить душу как индивидуальное сознание» [2]. Все остальные – групповые, родовые, видовые качества – «не суть создания умозрения, а получаются путем простого расчленения действительности» [3]. Иначе, для того, чтобы определить среднестатистическую закономерность на выборке или определить типологическую особенность, особого зренья ума не надо, если не сказать, что ума не надо вообще. Процедура и обработка производится механически и даже без вмешательства выполняющего эту процедуру. К примеру, типологию личности возможно исследовать на манер исследования растений или животных. Сам К. Линней пришел к идее таксономии (систематики) растений и животных через аналогию с минеральным миром; если возможно классифицировать живую природу (растения и животных) на манер классификации неживой, почему бы это не сделать с человеком? И вот, по аналогии с классификацией растений и животных (царства, типы, подтипы, отряды,

семейства, род) психологи обозначили типологию личности, а современная наука прогрессировала по сравнению с этим только в том, что классифицирует также генетический код и нейроны. Не подлежит сомнению, что любая типология относится к естественно-научной категории и, несмотря на свое важное место в психологии, может иметь в ней только побочную роль. **Как бы ни было, из биологии психологи позаимствовали типологию, тем самым рассматривая человека по типу растения и животного и отдаляясь от понимания индивидуального сознания.**

Но еще более отдалились они от нее, допустив, что всю психическую жизнь в познании можно охватить математически. К подобному допущению привели несколько моментов: желание прийти к истинам универсальной значимости, которые носят характер закона, необходимость упорядочить хаос эмпирических фактов и долг быть предельно объективным. Нам привычно думать, что объект психологического познания находится во внешнем мире, а мы, как субъект познания, опасаемся приближаться к нему с собственными представлениями, поэтому призываем на помощь математику, которая, хотя конструируется внутри нашей психики, тем не менее носит объективный характер. Во внешнем мире не существует коэффициента, по которому рассчитываются корреляции, мы выуживаем его внутри себя и перекладываем на эмпирические объекты. Мы пронизываем познание математикой, потому что перестали испытывать доверие к собственному мышлению, и одновременно с этим перестали доверять другому субъекту. Психология как наука, как нам кажется, возникла из подобного недоверия. В лаборатории В. Вунда уже перестали верить, что субъект N испытывает эмоцию P и склонен к поведению R; стало необходимым определять его кожно-гальваническую реакцию и измерять пульс, чтобы убедиться в достоверности его переживания (это же недоверие вытолкнуло интроспекцию и приветствовало тестирование). Интересно, что идею психологического теста Ф. Гальтон* почерпнул из дарвиновской идеи естественного отбора, позднее эту идею подхватил Дж. Кеттел, а с легкой

**Его «искусственный отбор» имел целью евгеническое улучшение породы человека, ему же принадлежит сам термин «евгеника». За исследования в этой области, географические исследования и разработку дактилоскопии Гальтон стал членом многих престижных обществ и клубов, но самое примечательное, что в 1909 году он был посвящен в рыцари. Иронично складываются судьбы науки, которая ставит с ног на (умную) голову идеалы рыцарства. Но еще более примечательно другое: любимым и верным учеником Ф. Гальтона был никто иной, как К. Пирсон – основатель математической статистики, автор психологического катехизиса – корреляционного анализа и коэффициента корреляции, а также один из основателей биометрики, за что был награжден медалью имени Ч. Дарвина. Круг замкнулся. Дарвинизм развился в экспериментальной психологии до корреляционного анализа и математического коэффициента, а в социальной психологии – до социального дарвинизма.*

руки А.Бине основанные на математических выкладках психодиагностические измерения стали единственным инструментом психологии.

Стремление измерять, сравнивать и подвергать корреляции факты психической жизни математически естественно. С помощью математических формулировок «нечто, казавшееся нам внутренне смутным, теперь оно кажется ясным, а именно, математически понятийно просветлённым. Мы это обнаруживаем. *Но тогда мы уже не можем отрицать для себя тот факт, что теперь мы в то же время подменяем природу, внешний мир образом, который больше ничего не сохранил от реальности, представлявшейся нам вначале.* ...Из этого образа выжато всё то, что прежде ещё предлагали чувства, то есть внешняя реальность» [4]. Реальность гасится и бледнеет, а психолог теряет ее непосредственность, вместо которой получает математическую абстракцию, от которой нет возврата снова к реальности. **Таким образом, психология, позаимствовав у математики возможности облачать свои идеи в форму объективного закона, потеряла жизненное наполнение этих идей, и вместо идеи о человеке получила сухую абстракцию.**

Автор замысла применения математики в психологии (а также идеи трансфера, позволяющей подводить под физические законы специфические свойства психики, термина «вытеснение» для обозначения перехода представления в область бессознательного, «апперцепции» как «поддержки» представления со стороны прошлого опыта) – И.Ф. Герbart, называемый современниками «Ньютоном в психологии», честнейшим образом предупредил об абстракции, которую приносит с собой применение математики: «В других науках абстракция есть намеренный метод. В психологии, напротив, наши показания о внутренне воспринимаемом невольно являются уже абстракциями прежде, нежели мы узнаем это, и они становятся ими все более, чем определеннее желаем мы выяснить их» [5]. Однако математика была настолько соблазнительной, что почти никто (отдельные голоса раздавались, пожалуй, только из гештальт-школы) не внял предупреждению – все «с головой ушли» в сбор и обработку данных.

Аналогичным образом обстояло дело со статистическими выкладками в социальных науках. Предмет их исследования – человек усредненный и безличный как машина. Но таким образом облегчается работа исследователя: вместо того, чтобы на несколько минут дольше мыслить, он перекладывает этот труд на калькулятор, который выполняет работу вместо него. Лишенная индивидуальности особь – также предмет изучения медицины, выживающей свои истины из эпидемиологических исследований на основе математической статистики. **Так, позаимствовав у социальных наук статистический анализ, психология стала иметь дело с «обрезанным» со всех сторон, условным человеком.** Акцент на социальной личности,

некогда свойственный советской психологии, в настоящее время характерен для западной, особенно американской психологии, которая развивается на основе принципа социального детерминизма. Отсюда упорное причисление психологии к social sciences, на что за кое-какое вознаграждение охотно отзываются подталкиваемые руководством вузов психологи на постсоветском пространстве, закрыв глаза на все душевно-духовное содержание своей дисциплины*.

В то же время физиология неприкаянно «перепрыгивает» из психологии в медицину и обратно, пытаясь затопить собой то одну, ту другую дисциплину. В свою очередь, психология не может окончательно определить место и роль физиологических основ своей науки, впадая то в отвлеченное декларирование тождества психики и сомы, то психофизический параллелизм, при котором оба процесса протекают рядом, не вмешиваясь друг в друга, то в отношения причинности, в при которых остается спорным вопрос о первичности одного или другого. Необходимо признать: невзирая на тончайшие исследовательские приборы, изощренные наблюдения эксперименты в области нейропсихологии, как психология, так и физиология пока бессильны ответить на этот вопрос. Столетие назад почетный член Московского психологического общества Ф. Паульсен отозвался об этой проблеме восхитительно просто: «Положение: мысли суть ничто иное, как движения в мозге, чувства – ничто иное как телесные явления в сосудодвигательной системе, это положение вполне неопровержимо не потому, конечно, что оно истинно, а потому, что оно абсолютно бессмысленно. Бессмысленное разделяет с истиной то преимущество, что оно не может быть опровергнуто. Против этого нельзя спорить; можно только сказать: под мыслью я разумею мысль, а не движение мозговых молекул, ... можно оборачивать это движение как угодно, но в движении не кроется решительно никакого присутствия мысли» [6]. К тому же физиология когда-либо должна задаться вопросом: откуда берутся субъективные ощущения функциональных нарушений, если объективными считаются только отмеченные на медицинских приборах структурные нарушения органов или химические изменения? Что же касается химии, то если ее роль столь кардинальна, почему бы не решать психологические проблемы регулированием кортизола и тестостерона?

Итого: вместо живого, конкретного, индивидуального человека психология имеет дело с типологией «разумного животного» (в патологии – не

* Ситуацию точно описала О. Рёснер в стихотворении «Двойник»: «*Расплению подсоблю я тем, // Что исключу из круга тем // Научных знание о духе, // При этом распуская слухи // О нереальности души, // За что от Сороса гроши // Смахну в карман, люблю я гранты! // Хотя б в ученые педанты // Меня родной зачислил вуз, // Избавленный от пенья муз.* О. Рёснер, Стихи, интернет-ресурс: www.predela.net

очень разумного), вместо идеи человека – абстракцию, вместо индивидуальности – нигде не существующего усредненного человека. Сама же психология представляет некую артель по производству корреляций одного фактора с другим без широких обобщений и понимания целого, несмотря на декларированный холизм. **Так «объективность» психологических исследований была обеспечена ценой утраты предмета психологии.**

Как в случае типологии, так и корреляционного анализа и математической статистики, сам исследователь остается безучастным к результатам собственного исследования, своеобразным образом отомстив за безучастность природы в отношении него самого. «Неужели, – спрашивает Ф. Ницше, – эти картины природы нам ничего не скажут? Или мы совсем для них не существуем? Мы начинаем чувствовать, что это оскорбляет наше человеческое достоинство» [7].

Достоинство, однако, было оскорблено не всегда. Природу, включая человека, древние внутренне переживали как откровение живого образа духа, поэтому не существовало противоположности между «теорией» и «практикой»: «Для греков теория сама по себе была высокой практикой» [8]. Они не могли осознать себя обособленными, потому что ощущали единение с природой и божественными существами. Но и об осознании «Я» не было речи, потому что первым условием осознания самого себя является разединения «Я» с «не-Я», а не непосредственное переживание этого «Я» внутри, а также стремление в мышлении и через мышление восстановить это единство. «Ведь "думать", – говорит Д. Энрайт, – значит "тосковать", "осознавать", чего лишен» [9]. Постепенно природа становилась для восприятия все более бездуховной и отмирающей, в результате чего тело и его проявления стали исследоваться по типу трупа, зато «Я» человека, ценой «лишения» жизни природы и «осознания, чего лишен», стало крепнуть и осознаваться само. Согласно Э. Фромму, процесс этот длился тысячелетия и только с XV века стало развиваться самосознание или сознание «Я» и человек вступил в эпоху индивидуального.

«Индивидуальным, – говорит В.Шуппе, – я прежде всего объявляю все то, что каждый думает, когда, говоря о себе, употребляет слово «Я». Вследствие своей самодостоверности и самосозерцания, это «Я» не чувствует потребности в определении самого себя» [10]. При этом, существует только единичное сознание, а не «экземпляры» сознаний, и хотя сознание не есть общее для всех, оно индивидуально, все же в другом смысле, оно есть «п о д л и н н о е родовое понятие». Все остальное средствами психологии нельзя установить» [11]. Иначе, сознание, как родовое человеческое, подлежит исключительно естественно-научному, филогенетическому, эволюционному рассмотрению, а предметом психологии остается индивидуальное сознание, его же психология игнорирует

во всех областях. Но даже если принять сторону естественно-научности психологии, то сознание, ввиду различия его уровней, следует изучать опять же на примере индивидуума.

Если сознание было предметом пристального внимания философов, то учение о бессознательном развили психологи или ставшие психологами врачи. Тем не менее, академическая психология с опаской относится к проблеме бессознательного, не доверяя проективным методам исследования и считая их, в строгом смысле, ненаучными. Между тем, развитие психологии протекало в полном соответствии с расширением понимания области бессознательного – личное (З. Фрейд) – коллективное (К. Юнг) – перинатальный опыт и трансперсональные переживания (С. Гроф) – фоновое, всплывающее, архетипическое и прочие типы бессознательного (К. Улбер). **Так что имманентным предметом психологии является именно бессознательное, которое, однако, невозможно эксплицировать без обращения к индивидуальному сознанию.** Отсюда вытекают задачи психологии: видеть в телесном бессознательное, вследствие чего психология, в части своей естественно-научности войдет в назначенный ей фарватер (по Юнгу, бессознательное есть ничто иное, как телесное во всех своих отправлениях); в части социальных исследований ей необходимо перерасти «среднестатистичность» и всеобщность, сосредоточившись на «архетипическом» и «фоновом» бессознательном и его конкретных влияниях на социальную жизнь. Необходимо также преодолеть механическое в математических методах, и в целом применить метод индивидуации Юнга к самой психологии. Тогда в центр психологии будет поставлена **идея** о человеке, а сама она станет человеческой, **гуманитарной**, вобрав в себя два других статуса и положив конец спорам о ее статусе.

Уже упомянутый нами И.Ф. Герbart, в ряду остальных аргументов в пользу применения математики писал: «Математика господствующая наука нашего времени. Кто не имеет ее за себя, тот некогда будет иметь ее против себя» [12]. По прошествии столетия можно, однако, с уверенностью сказать: «Кто имеет среднестатистическое, математически-механическое и машинное в вопросах психики в противовес индивидуальному, имеет это все "против" и в унижение себя». Можно видеть это на примере машины. «Унизительное действие машин в том, говорит Ницше, – что она безлична, она отнимает у производимой ею работы гордость, ее индивидуально хорошее или ошибочное, – одним словом все, что присуще работе немашинной, следовательно, частицу человечности. Прежде, при покупке произведений у ремесленников мы отличали их индивидуальность и окружали себя ее невидимыми проявлениями; домашняя утварь и одежда служили таким образом символом взаимного уважения и личной связи, тогда как теперь мы живем среди анонимного безличного рабства. Не слишком ли дорогоа

цена за облегчение работы?» [13]*. Психология превращена в науку «безличного рабства», которая плодит *researches* без знания цели и пути дальнейшего развития. Ситуация напоминает вопрос Алисы из известной сказки. «– Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти? – Это во многом зависит от того, куда ты хочешь прийти, – ответил Кот. – Да мне почти все равно, лишь бы попасть куда-нибудь. – Не беспокойся, куда-нибудь ты обязательно попадешь, – сказал Кот».

Чтобы психология не попала кабы куда, необходимо выяснить метод психологии, не забывая, что предмет ее – индивидуальное сознание и бессознательное. Ответ – мышление, как бы странно он ни прозвучал на фоне нескольких сотен «валидных» методов. Оно же, в своем негативном двойнике, т.е. в форме автоматического мышления исследователя, есть барьер к ее развитию, обеспечивающий разрыв науки и мысли. По словам М. Хайдеггера, «наука не мыслит, ее путь и средства таковы, что она не может мыслить, но благодаря тому, что наука не мыслит, она может утверждаться и прогрессировать в своих исследованиях» [14]. Ибо в ходе исследования, ученый мыслит штампами и орудует готовыми техническими приемами, полагая, что мыслит объективно, в противоположность тому, что «субъективно» видит. Фактически, исследователь мыслит бессознательно, что было замечено еще К. Штумпфом, который по праву считается одним из основоположников психологии: «Интеллектуальные функции протекают бессознательно». Он усматривал равнозначную действительность как в данном нам явлении, так и в мысли о нем: «Явления и функции не только реальны каждое в своем роде и относительно другого, но образуют между собой реальное е д и н с т в о» [15]. Упуская реальное в явлении, исследователь лишает реальности также функцию – мышление, которое в ином случае само по себе содержит объективное доказательство. Еще Пифагор был уверен: «Мы в себе самих имеем средство раскрытия лжи и доказательства истины».

В мире психопатологии наиболее субъективным мышлением считается мышление истерика или больного с конверсионным расстройством. Даже мышление шизофреника, ввиду своей железной логики, на первый взгляд выглядит более объективным. В процесс мышления шизофреника или истерика вплетены различные мотивации, эмоции, персонификации и просто бред, которым психолог браво ставит заслон, справедливо не доверяя подобному мышлению. Впору, однако, спросить: а насколько доверяет он своему собственному мышлению? Не более, чем мышлению личности с

*Впрочем, сейчас допустимы не только безличная и коллективная «наука» (как в математике, здесь важна только количественная величина), но и «искусство», как это делает Э. Уорхол – известный американский художник поп-арта, который додумался поставить творчество на конвейер, множа одно произведение в тысячах экземплярах.

конверсионным расстройством. Логика недоверия проста: все, что вовне, в мире – объективно, что во мне – субъективно. Но в русле той же логики и при наличии некоторой честности, пожалуй, необходимо отвергнуть основополагающие идеи психологии, отказаться от многих школ и ориентаций и послать к чертям весь опыт донаучной психологии, ибо интроспекция (соответственно, гуманитарность) являлась входными воротами психологии. Последняя предоставляет ей возможность продолжения исследований душевных явлений без оголтелого различения субъекта и объекта. Не все же восприятия подобны оптическим иллюзиям! Но даже для коррекции иллюзий не следует прибегать к экспериментальной психологии, достаточно одного последующего вдоха. «Я не хочу сказать, – пишет К. Штумпф, – что отношение между явлением и психической функцией тождественно. Напротив, оно, несомненно, совершенно своеобразно. ...Но оба члена могут быть отделены друг от друга только при помощи абстракции» [16]. На практике существует их «непротиворечивое разделение», при котором ни восприятию (явлению), ни функции (мышлению) не отказывается в объективности. Для академической психологии объективно только первое, поэтому ей страшна вылазка из материализма. «Подобно Антею, почерпавшему силу при соприкосновении с землей материализм снова приобретает силу при соприкосновении с наглядным созерцанием – отмечает Ф. Паульсен и прибавляет: "есть прочный пункт для реалистического воззрения на познание: *"я познаю действительность, как она есть сама в себе, поскольку я сам есть эта действительность"*» [17].

Урезывание познания до «наглядного созерцания» приводит к тому, что исследователь, большей частью неумышленно дурит других, причем не только цифрами, но и фактами. Приведем пример одного современного «надувательства» (их тысячи). Так называемый «эффект Флориды», немедленно нашедший свое место в терминологической галерее социальной психологии, был обнаружен в результате предельно простого эксперимента. Дж. Барг пригласил две группы молодых людей, одна из которых получила списки слов, которые включали ассоциации с темой «Пожилой возраст» (лысына, морщины, склероз и пр.), другой тестовой группе предложили списки слов, которые вращались вокруг темы «Юность» (влюбленность, спонтанность, спорт и пр.). Группы поблагодарили и попросили выйти из лаборатории для заполнения документов, измеряя время, с которым испытуемые по длинному коридору проходили к выходу. Оказалась, что первая группа шла значительно медленнее. Следовательно, через предшествующий стимул, который был назван «грунтовкой», можно регулировать не только поведение в психологическом смысле, но и тело, ибо половина добровольцев, как заключили экспериментаторы, неожиданно «состарилась»

(вывод: «ваше тело чувствует себя старше, если вы просто подумаете о старости»).

Дальнейшие эксперименты напоминали бред. Оказалось, что даже физические ощущения могут создать грунтовки и перевести психологические интерпретации в нужное русло. Так, когда испытуемых просили перенести чашку горячего кофе, а затем дать оценку человеку, описанному неоднозначно, субъекты сообщали теплые чувства по отношению к целевой личности, напротив, кофе со льдом давал противоположный эффект. Вывод: физические свойства объектов влияют на формирование психологических интерпретаций, социального впечатления и принятия решений. В другом эксперименте создавали бессознательную грунтовку на африканские лица, после чего испытуемые относились к этим лицам враждебно. Словом, фоновым фактором или грунтовкой, определяющей принятие решения, стало служить любое явление или предмет (рассказ, реквизит в помещении, например, кожаный портфель, слабый аромат лимонного чистящего средства и пр.), а значит, возможно сформировать любое социально-психологическое явление (соответствие, когнитивную последовательность, эмоциональную и поведенческую заразу, сопереживание, подражание, стереотип) и внедрять его в группу. Все это можно было принять за забавы психологов, если бы не серьезность основного вывода и дальнейших его интерпретаций. Вот он: «социальное поведение всегда автоматически (в рамках классической экспериментальной формулы С. Аша в среднем около 8 % испытуемых проявляют склонность к неконформному поведению), а социальные ситуации в значительной части существуют при отсутствии любого сознательного участия или вмешательства». В работе «За бихевиоризмом» Дж. Барг и М. Фергюсон окончательно определили поведение как автоматическое (исключая незначительные для общей выборки случаи контроля, при которых поведение имело четко осознаваемые причины), полагая, что все, что влияет на поведение и принятие решений, происходит вне сознания: «Мы определенно не являемся хозяевами своего выбора, а вера в свободу выбора, как бы функциональной и утешительной она ни была, по-прежнему остается иллюзией». На этом, однако, не остановились: авторы "довели" проблему социального влияния до проблемы свободы воли. «Свобода воли, – пишет Дж. Барг, – понятие проблематичное из-за слова «свободный». Люди путают понятия «свободная воля» и «воля». Действуете ли вы свободно, когда кто-то приставляет пистолет к вашей голове? Нет. До тех пор, пока мы изучаем причинные механизмы, вы не можете сказать, что вещи свободны от международно принятой каузальности. Я удивлялся своим находкам на каждом шагу» [18]. Сюда подключились нейробиологи, обнаружившие нейронные корре-

ленты конформного поведения и приди к идее будущего контроля мнений и решений человека посредством нейробиологических манипуляций*.

Мы совершенно не сомневаемся в профессионализме этих ученых и чистоте эксперимента. Но это – как с правом голоса на выборах – несогласие какого-либо меньшинства обнаруживает противоположные факты о кандидате, которые не учитываются. Так, обнаруженная Г. Олпортом «функциональная автономность мотива», который ничем не детерминирован, говорит в пользу реальности индетерминированного поведения и против "международно принятой каузальности", которая является поверхностным пластом поведения, и как самый видимый факт сливается с видимостью. Прав был мистер С. Смит, который еще за два столетия заметил: «За исключением цифр, нет ничего более обманчивого, чем факты» [19].

Обман исходит из того, что Г. Олпорт исследовал конкретные индивидуальности («огромное количество психологов имеют дело с общим, – говорил он, индивидуальность для них – помеха»), а Дж.Барг – группы. Дело также в далеко идущих практических целях, а именно, в возможных психологических и нейробиологических манипуляциях превращения людей в совершенно послушное стадо, не подозревающее, что реально обнаруженные детерминанты, если не добавлять к ним другого рода эксперименты и не продолжать переживающих размышлений о них, есть фикция. К ситуации точно применимы слова П. Наторпа: «фикция» есть не что иное, как «научная выдумка с практическими целями» [20]. Чтобы не быть фикцией, результаты такого рода экспериментов должны стать не концом, а «побудительным началом» научного познания, подобно тому, как тот же П. Наторп трактует кантовское понятие «вещи в себе». Эксперименты, аналогичные эксперименту Дж. Барга, (С. Милгрема, Ф. Зимбардо, С. Аша и др.) восхищают психологический научный мир, что естественно, ибо они – охранный мантия закрепощенного мышления психолога, который ограничивает познание психики восприятием органов чувств или наглядным созерцанием.

Что же происходит, если познание обходится без наглядного созерцания, принимая за действительность только то, что протекает как функция (мышление, чувствование, мотивация, память)? Здесь вступает в силу весь арсенал психодинамического и трансперсонального направлений, которые ищут реальность, совпадающую с интерпретацией внутри и за пределами себя и своей биографии. Эти, словами С. Грофа «уязвимые для обвинений в иррациональности и ненаучности, а значит – в несовместимости со здра-

*Подробнее об этом: Г.М. Шахвердян, *Эксперименты по общечеловеческому конформизму как нарастающий вызов, В: Вызовы современности: философские и психологические проблемы, материалы международной конференции, посвященной 50-летию факультета философии и психологии ЕГУ, окт. 10-12, 2014, ЕГУ, Ереван, стр. 251-255*

вым смыслом и современным научным мышлением» направления изменили весь ход психологии. Они переформулировали фундаментальные допущения академической науки, поставили структуру личности в зависимость от бессознательных проявлений, вернулись к демонологии с позиций «постнаучного» объяснения патологических явлений («пусть меня называют психотиком, – заявлял К. Юнг, но я знаю, что демоны существуют»), заменили состоящую из «грубой» материи механическую вселенную Ньютона на «тонкую» и даже поставили под сомнение аксиоматичность утверждения, что сознание является продуктом мозга. «Телевизионный механик, пишет С. Гроф, – может найти неисправный компонент по характеру искажения и устранить поломку, заменив или отремонтировав нужные детали. Никто из нас не увидит в этом научного доказательства того, что программа должна генерироваться в телевизоре, поскольку телевизор – искусственная система, и ее функции хорошо известны. А ведь как раз такой по типу вывод получен механистической наукой в отношении мозга и сознания. В этой связи интересно, что Уайлдер Пенфилд (нейрохирург с мировым именем, проведший потрясающие исследования головного мозга и сделавший значительный вклад в современную нейрофизиологию) в книге "Тайна сознания" (Penfield, 1976), подводящей итог работе, которой посвящена вся его жизнь, выразил глубокое сомнение в том, что сознание является продуктом мозга и его можно объяснить в терминах церебральной анатомии и физиологии» [21]. Тем самым С. Гроф (а до него также Р. Ассаджиоли, К. Юнг, А. Маслоу, Э. Сутич и др.) выбил последнюю табуретку из-под ног «объективности», основанной на том, что процессы в мозгу объективны, а в психике субъективны. Реально объективное как раз то, что за таковое не считается, и было бы большой ошибкой утверждать, что психодинамисты или трансперсоналисты рассматривают свой категориальный аппарат («Ид», «Анима», «Базовая перинатальная матрица» и пр.) на манер крылатых выражений или метафор. Э. Берн даже обижался, когда разработанные им транзакционные эго-состояния «Ребенок-Родитель-Взрослый» воспринимали как образы, настаивая на их субстанциональности. Пока им никто не верит, но опытное доказательство субстанциональной первоосновы сознания и бессознательного – единственная перспектива психологии.

Таким образом, если с точки зрения статуса дисциплины психология имеет три обличия – естественно-научный, социальный и гуманитарный, то с точки зрения исследовательского ракурса – два, при которых реально или только чувственно наблюдаемое или внутренне фиксируемое. Доверять можно или тому, что идет от внешнего, или тому, что идет от внутреннего, ибо половинчатое доверие – нонсенс, а для доверия тому и другому одновременно психология не выработала ни методо-

логии, ни исследовательских методов. Так, раскалывается психология, а психологи разделяются по мировоззренческой общности (не считая диссертантов, «шкурный» компромисс которых загадан наперед).

Расколота и противоречива также история психологии, ибо, на наш взгляд, такие имена, как Ф. Brentano, И. Герbart, У. Джемс, К. Штумпф и еще нескольких других, необходимо считать основателями психологии в гораздо большей степени, чем В. Вундта. Значение последнего мы бы ограничили созданием известной лаборатории, в остальном исторически целесообразней ориентироваться на ход мыслей его современников. Один из них, Н. Самсонов, в рецензии на его книгу, отмечает: «В психологию самого В. Вундта эта книга вводит в несравнимо большей мере, чем в современную экспериментальную психологию» [22]. Разумеется, что на каждой книге должна быть печать автора, но не только же она! Все бы ничего, если бы традиция не продолжалась, но экспериментальные психологи и теперь не слишком утруждают себя рефлексией и не домысливают мысль. По мнению другого современника, Г. Гефтинга, В. Вундт сначала предполагает в мозгу некий центр апперцепции, который действует при всякой ассоциации, не объясняя разницы между апперцепцией и ассоциацией, потом предлагает термин «творческий синтез», объединяющий и связующий психические элементы, но «упускает из виду, что это понятие ничего не объясняет» [23, с. 13]. Далее (в поздних работах) присовокупляет к этому синтезу активность и приходит к мысли, что в синтезе центральным элементом является воля, которая тоже ничего не объясняет. Вот уж, действительно, по выражению Ф. Ницше, «почтенное недомыслие».

В целом, в зависимости от исследовательского ракурса и даже школы психологии один и тот же факт получает иное обличие и совершенно различную интерпретацию, иначе говоря, сами факты психической жизни «влиют» и основная причина этого вливания заключена в смешении понятий «Я». Из обширного многообразия рассуждений на тему «Я» выберем рассуждения Г. Шпета: «Дух», например, есть конкретный предмет, и при этом значении «Я» ... за «Я» сохраняется значение некоторого источника самочинного действия. В остальных случаях обычно «Я» приписывается несамостоятельное, абстрактное значение, смысл которого уясняется только на почве известных теоретических предпосылок философского *субъективизма*. Я, как субъект, неизменно противопоставляется в таком случае объекту познания или поведения или вообще сознания» [23]. Иначе, чем ближе к эмпирическому пониманию «Я», тем оно несамостоятельнее, опутано детерминацией и соотносится с субъект-объектными отношениями; чем ближе к духовному пониманию «Я», тем более индивидуально, тем более ему характерно «самочинное действие», индетерминированность и то, что оно не наёмный служитель детерминант, а итог

борьбы с ними. Но это «Я», сложно и едва выявляемо в практике психологии, не говоря уже об эксперименте, где оно не выявляется вовсе. Млеющим перед вычислениями и измерениями психологам было бы неплохо с самого начала прислушаться к И. Гербарту: «Поскольку душевные состояния и деятельности действительно зависят от количеств, постольку же можно, наверное, предвидеть, что вычисление этих действительных количеств будет происходить также только при помощи сведения их к более простым. Поэтому надо стараться научным образом указать только общий и весьма упрощенный тип желаний, и столь же общие типы известных главных классов чувств, воображения и т.п., тогда как индивидуальная действительность навсегда обеспечена от математического определения и ограничения» [24]. Получается, что математика применима только к исследованию определенного рода психических явлений, а именно, простых или упрощенных. Следовательно, и человек, подвергающийся математическим выкладкам, есть простое существо, о чем автор, правда, не говорил, но последующие поколения психологов взяли это на заметку. Мы видим: несмотря на это предупреждение, а также акцентирование сходства математической психологии и механики, И. Гербарг осознает ограниченность «измерительной» психологии «простым» опытом и предлагает не тупо результировать к выводам из опыта, а этот опыт переступить: «*Данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого*. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью. Следовательно, в этом смысле она должна *переступить* опыт» [25].

Как же это осуществляется в современной психологии? Психологипозитивисты боязливо «переступают» чувственный опыт на полшага, довольствуясь кое-каким словесным толкованием цифр и процентов, зачастую не делая даже этого, просто регистрируя данные, чтобы не споткнуться о внеопытное. Поэтому и выводы получаются тощие и нежизнеспособные; стоило ли огород городить, если для большинства этих выводов достаточно было бы «утиного теста» (duck-test): «Если нечто выглядит как утка, плавает как утка и крикает как утка, то это, вероятно, утка и есть».

В отличие от экспериментаторов, психодинамисты и трансперсоналисты сделали огромный шаг в исследовании пост- и внеопытной реальности, доказав, как говорит В. Виндельбанд, что «весь фундамент нашей душевной жизни состоит из бессознательных процессов, от взаимных отношений которых всецело зависит содержание нашего сознания на данный момент. Самое понятие этих бессознательных процессов исключает возможность их восприятия; мы можем заключать о их наличности лишь по тому воздействию, которое они оказывают на сознание, и наше знание о них необходимо ограничено этими проявлениями» [26]. Но они, собственно,

добывают внеопытное средствами подсознания, поэтому их знание ограничено им. Но чувственный опыт можно переступить не только в измененном состоянии сознания, как это делают трансперсоналисты, а также можно знать о том, что находится по ту сторону этого опыта не только «по тому воздействию, которое он оказывают на сознание», опять же «ограничивая наше знание», но также опытно, но без ограничений.

Но для этого необходимо соответствующее мышление. Тот же В. Виндельбанд различает произвольное и непроизвольное мышление, оба из которых «частные случаи общей зависимости мышления от воли, и если первый тип сводится исключительно к преобладанию сознательных волевых влечений над бессознательными», то второй находится под воздействием бессознательной воли [27]. При этом, в содержание произвольного мышления включено также чувство, в том числе «сложное и содержательнее из всех чувств – чувство «Я». К чему в конечном счете сводится такое мышление? Произвольное мышление оказывается на собственной высоте «лишь в том случае, когда оно примыкает к чувству «Я», пропитанному моральными убеждениями, и когда воля, управляющая представлениями, в последнем счете служит нравственным целям. ... «Стремление же истине образует лучшую силу произвольного мышления». [28]. Следовательно, главным условием истинного мышления является мыслящий, который в своем индивидуальном «Я» находит моральные убеждения и стремление к истине. Можно сказать и противоположное: в этическом важно не чувство, подобно мистическому трансперсонального переживания, не нагруженная бессознательными мотивами или отвлеченными этическими принципами воля, а мыслительный процесс, содержащий своеобразно направленные как на чувство, так и волю.

В таком мышлении заключена не меньшая объективность, чем в восприятии посредством органов чувств. У. Джеймс говорил о важности функции *не-воспринимаемого* (non-perceptual) опыта, содержащегося в мышлении. Трудность признания его как равноценного, наряду с восприятиями, объективного мира заключается в том, что мыслимый мир, «подобно миру восприятий, сначала открывается нам как хаос», что «мы привыкли видеть в восприятиях единственную подлинную реальность», поэтому «склонны упустить объективность, заключенную в не-воспринимаемом опыте самом по себе». Далее он утверждает: мыслимый «невоспринимаемый опыт может проявляться как объект или поле объектов», т.е. как объективный мир. «Я позволю себе, – говорит У. Джеймс, – привести прекрасно выведенные об этом слова Мюнстерберга: "В мышлении я только думаю о своих объектах, но они выступают в мыслях моих совершенно так же, как и воспринимаемые объекты, так что генезис постижения их совершенно безразличен, нет основания думать, что объект, существующий

только в мысли, скрыт внутри мыслящего субъекта. Мыслимый мной объект, существование которого я отмечаю, хоть он и не воздействует сейчас на мои органы чувств, все же занимает определенное место во внешнем мире, совершенно так же, как объект, непосредственно видимый мной» [29]. Куда после этого делось деление на субъект и объект в психологическом наблюдении или эксперименте, не говоря уже о том, что само это деление произвело именно мышление? Ибо опыт здесь осуществляется уже не со стороны восприятия, к которому через формирующий принцип мышления примыкает понятие, а объективно продолжается в мыслительном опыте самосознающего «Я», где как объект мышления, так и мыслящее «Я» – суть объекты, а опыт объективен.

Вся трудность, недовершенность и нецелостность познания душевных явлений заключаются в том, что при нашем несовершенном сознании не удастся «переступить» и этот опыт, продолжая жизнь в мышлении вплоть до сверхчувственного восприятия сущностного бытия в философском смысле или духовных сущностей в смысле предметного мышления. «Для сегодняшнего наблюдения внутренней душевной жизни у нас отсутствует сущностное – бытие (Wesen). Но благодаря этому, поскольку мы рассматриваем голое явление и уже не переживаем бытие (Wesen), мы получаем, переживая своё внутреннее, уже не бытие (Sein), а видимость (Schein). И так, как сегодня переживаются мышление, чувствование и желание, они являются видимостью» [30]. Обладающие бытием духовные существа, назовем мы их в терминах трансперсональной психологии, юнгианского анализа или антропософии – суть факты сознания, и путь к ним пролегает через внутренне переживаемое мышление, которое наперед не перегружено понятиями. «Кто хочет попасть в царство небесное психологического познания, – писал Т. Липпс, – должны стать как дети, т.е. должны забыть до известной степени все, чему научились до этих пор. Яснее выражаясь, они должны постараться выражать факты сознания в таких и только таких понятиях, из которых исключено все, имеющее своим происхождением какую бы то ни было другую сферу, кроме сферы фактов сознания. Они должны научиться судить о понятиях по этим фактам, а не о фактах по понятиям» [31].

Напрашивается вопрос: где они, эти бытийствующие существа локализованы? Ответ был дан еще К. Юнгом: в бессознательном, которое и есть ничто иное, как тело. Сегодня эти голоса раздаются с самых различных сторон. К примеру, замечает А.А. Брудный: «Откуда бессознательное? От природы, из глубин тела, о котором мы знаем ничтожно мало» [32]. По крайней мере можно зафиксировать: если полвека назад исследователи были удивлены и удовлетворены одним лишь фактом существования бес-

сознательного, то сейчас все больше волнуют вопросы генезиса, становления и локализации бессознательного.

Думать, что они буквально локализованы в органах, означало бы регрессировать к трехгодовалому возрасту и пытаться искать за экраном телевизора маленьких человечков. Этот вздор перестает быть и превращается в действительность, когда под телом понимается не только физическое тело, но сверхчувственные тела в их непрекращающейся деятельности и становлении, обеспечивающие деятельность физического тела*. В свою очередь, деятельность сверхчувственных тел в здоровом состоянии свободна от земных влияний и осуществляется внеземными силами и духовными существами. Сверхчувственным существа действуют в сверхчувственных телах, но то, какого рода существа привлечены в эфирное (например, Ангел или «духовный гид» по С. Грофу) или астральное тело (например, люциферический дух или «Тень» по К. Юнгу) данного человека и то, как его "Я" властвует над ними или воспринимает их «идеальные интуиции», зависит от степени совершенства сознания. Негативным двойником этого является тот хаос, который возникает в эндогенном психотическом больном, не знаящем, кто эти существа, каковы их намерения и как с ними иметь дело. Поэтому одновременно бесятся как его высшие психические функции, так и функции его организма (иначе даже без маркировки локализации соматического нарушения ему не помогли бы нейролептики; отметим также, что именно патология дает возможность сделать конкретным любое содержание психической жизни, освободившись от абстракции). Все это не оставляет места дуализму: «природа – видимый дух, а дух – невидимая природа» (Ф. Шеллинг). В познании духа, в отличие от чувственного познания, они не противостоят друг другу, а «прорастают» одно в другом. «Если в переживании мыслей идти дальше, то обнаруживается, что навстречу этому переживанию выступает духовная действительность. Душевный путь приводит к духу. И на этом внутреннем душевном пути можно достичь духовной действительности, которую вновь находишь в природе» [33].

Досадное упущение трансперсональных психологов заключается в том, что они только указывают на дух, не осмеливаясь *естественно-научно* и конкретно находить его во внутреннем созерцании, поэтому К. Уилбер компромиссно делит мир на грубый и тонкий. «Я не знаю никакой грубой материи, – говорит Э. Геккель, который, по его собственному признанию, "презирал гнилые компромиссы в борьбе за правду», отстаивая «монисти-

*Примечательно, что образование на психологических факультетах начинается с «Трактата о душе» Аристотеля, но никто из «корифеев» и разу не воспринял всерьез его деление душ (растительная, животная, разумная душа).

ческую мораль, исходящую из разума, науки и опыта» [34]. В то же время С. Гроф, взамен поиска путей повышения сознания, выуживает тайны психики из бессознательного методом его понижения. Стоило бы обратить должное внимание на то, что только на двух проанализированных случаях повышенного сознания (антрополога Р. Бенедикт и гештальтпсихолога М.Вертгеймера) А. Маслоу удалось прийти к идеям самоактуализации, пирамиды потребностей, пиковых переживаний и прочее, в том числе к идее самой трансперсональной психологии. Известно его признание в том, что все это было не запланированным исследованием, а попыткой юного мыслящего человека понять двух своих учителей, необыкновенных людей, которых он любил («я стремился понять, почему эти два человека так отличаются от обычных людей, которыми полон мир»). Интерес к случаям повышенного сознания привел его к исследованию конкретных проявлений «трансценденции обычной формы сознания» – к пиковым переживаниям или, как сейчас называют, – «объединяющему сознанию», протекающим вне пространственного и временного восприятия, при полном контроле телесных отправлений со стороны духа.

Пока психология идет мимо этих реалий, она будет без конца пере-кладывать гири на весах рокового дуализма психики и сомы, приписывая психике соматику или соматике психику и не догадываясь об объединяющем их едином духе. Такими шатаниями она идет с тех пор, когда после выхода в 1818 г. «Учебника душевных болезней» психиатра и психолога И. Гейнрота разгорелась борьба «психиков» и «соматиков». Сам автор принадлежал к классу «психиков» и понимал психоз психологически и этически – как последствие пороков и страстей. Это, однако, вовсе не помешало ему активно применять кровопускание («если нужно, надо продолжать кровопускание до обморока»), смирительный стул и мучительные холодные обливания [35]. Симптоматичность случая И. Гейнрота в том, что для того, чтобы быть последовательным «психиком», ему помешало его медицинское образование. Точно также, чтобы понять тело, экзистенциальному психологу мешает его гуманитарное образование, для того, чтобы понять факты индивидуального сознания, не противоречащие реальности, социальному психологу мешают широкие обобщения и т.д.

Эти противоречия ведут к отмеченному выше ощущению «неподлинности», «видимости» познания душевных явлений, наблюдаемые даже у сколько-либо критично настроенных студентов. Стремительно плодящиеся позитивистические исследования и обильные промежуточные мелкие результаты с одной стороны, а с другой – углубление и расширение познания бессознательного и обнаружение в нем разнообразных содержаний раскалывают науку на две ни в чем не стыкующиеся области, каждая из которых по мере надобности доказательств апеллирует к телу и физиологи-

ческим основам. Эта почти шизофреническая расколотость в последние несколько десятилетий ясно осознается, о чем свидетельствуют непрекращающиеся разговоры о холизме, который тем не менее постоянно скатывается в эклектическое худо-бедно мирное сосуществование. **Довершение и исцеление психологии (в обоих смыслах – целостности и выздоровления), должно исходить из духовной науки, в недрах которой она естественно перетечет в науку о духе – пневматологию.** Более того, через психологию уже с новых позиций можно вернуться к теологическим аспектам пневматологии, ибо где еще искать Бога, если не в душе? Когда-то он говорил через сивилл, но «онемел говорящий источник», словами М. Цветаевой, «Сивилла выжжена, сивилла – ствол// Все птицы вымерли, но Бог вошел».

В донаучный период развития психологии (психология, по меткому выражению Г. Эббингауза «имеет длинное прошлое и короткую историю») проблема духа не была разделена с проблемами души. Сначала исчезла пневматология, а после становления психологии как науки науками о духе стали считаться логика, этика и эстетика, и в психологию путь духа был закрыт. Это означает, что психологов не касаются проблемы истинного (ложного), нравственного (безнравственного), гармоничного (дисгармоничного), прекрасного (безобразного). Не касается их знание о духе не только метафизически, но и физически – психофизиологические механизмы работы духа в организме: пневма – дыхание (хотя сегодня уже робко говорят о такой области, как пнемопсихосоматология). Но именно так пожелал В. Вунд. Он замкнул психофизиологию в пространстве наглядно-телесных явлений, и размазал по неопределенным терминам этическое в человеке и под конец разделался с этим. «Этика по В. Вунду неопределенна, – говорит Г. Геффтинг, – частью сливается с психологией народов, частью переходит в метафизические и религиозные рассуждения». Вот отрывок из книги В. Вунда: «При чисто эмпирической точке зрения мы с нашими идеалами, как бы они ни были ценны и необходимы, оказываемся у пропасти, через которую нет моста» [36]. При этом, заявляет В. Вунд, если мы не последуем за ним по его пути, все будет «пусто и безнадежно». Нам же, по прошествии лет, кажется более, чем определенным: «при чисто эмпирической точке зрения» и «без идеалов» психология, как мир, оказались у пропасти. Но «мост», невзирая ни на что и вопреки всему, все же есть.

Л и т е р а т у р а

1. **Н. О. Лосский, Э. Л. Радлов**, Предисловие к сборнику «Новые идеи в философии», номер 4, изд-во «Образование», СПб, 1913, 156 стр., стр. 1.
2. **В. Шуппе**, Понятие психологии и ее границы, В: Новые идеи в философии, сборник 4, изд-во «Образование», СПб, 1913, стр. 3.

3. Там же, стр. 5.
4. **Штайнер Р.**, Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования. М.: Титурель, 2006. – 160 с., стр. 21- 24.
5. **И. Ф. Гербарт**, О возможности и необходимости применять в психологии математику, В: Гербарт И. Ф. Психология, М., издательский дом «Территория будущего», 2007, серия 2, Университетская библиотека Александра Погорельского", 288 с., стр. 39-59.
6. **Ф. Паульсен**, Введение в философию, издание Московского психологического общества, М.,1904, 446 стр., стр. 84.
7. **Ф. Ницше**, Странник и его тень, издательство Д.П. Ефимова, М., 1903, 330 стр., стр. 205.
8. Интервью М. Хайдеггера, журнал «Эспресс», L'Express, 1969, 20 oct., p. 79-85, интернет-ресурс: www.heidegger.ru
9. **Д. Эрайт**, Стихи, 120-127 Глагол «думать». Иностранная литература стр. 125.
10. **В. Шуппе**, указ. соч. стр. 9.
11. Там же, стр. 13.
12. **И. Ф. Гербарт**, О возможности и необходимости применять в психологии математику, В: Гербарт И.Ф., Психология, М., издательский дом «Территория будущего», 2007, серия 2, «Университетская библиотека Александра Погорельского», 288 с., стр. 39-59, интернет-ресурс: www.rumvi.com
13. **Ницше**, Странник и его тень, издательство Д.П. Ефимова, М., 1903, 330 стр., стр. 257-258.
14. Интервью с М. Хайдеггером, там же.
15. **К. Штумпф**, явления и психические функции, В: Новые идеи в философии, сборник 4, изд-во "Образование", СПб, 1913, 156 стр., стр. 57, 60.
16. **К. Штумпф**, указ. соч., стр. 64-65.
17. **Ф. Паульсен**, указ. соч. стр. 77, 378.
18. **Bargh, J. A., Ferguson, M. L.**, Beyond behaviorism: On the automaticity of higher mental processes, Psychological Bulletin, 2000, 126, p. 944.
19. **С. Смит**, Афоризмы, В: Пять веков английского афоризма, журнал "Иностранная литература", 7, 1992 стр. 180.
20. **Natorp P.**, PhilosophiedesAlsОб цит. по: Г. Шпет, Сознание и его собственник, Заметки, В: кн.: Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве, Статьи по философии и психологии, М., 1916, стр. 156-210, интернет-ресурс: www.predela.net
21. **С. Гроф**, За пределами мозга, издательство Трансперсонального института, 1993, 504 стр., стр. 9.
22. **В. Вунд**, "Введение в психологию", издательство "Космос", М, 1912, 167 стр., рецензия и перевод Н. Самсонова
23. **Г. Шпет**, указ. соч.
24. **И. Ф. Гербарт**, О возможности и необходимости применять в психологии математику, там же, стр. 49.
25. **Гербарт И. Ф.**, Психология, там же.
26. **В. Виндельбанд**, Прелюдии, издание Д.Е. Жуковского, СПб, 1904, 374 стр., стр. 180.
27. **В. Виндельбанд**, там же, стр. 185.
28. **В. Виндельбанд**, там же, стр. 191-192.
29. **У. Джеймс**, Существует ли сознание? В: "Новые идеи в философии", номер 4, изд-во "Образование", СПб, 1913, 156 стр., стр. 112-114.
30. **Р. Штайнер**, Исторический путь естествознания, М., "Титурель", 2011, 200 стр., стр. 153.

31. Т. Липс, Пути психологии, В: сборнику "Новые идеи в философии", номер 4, изд-во "Образование", СПб, 1913, 156 стр., стр.128-129.
32. А. А. Брудный, лекция "Социальное пространство и молодежь", 4 региональная встреча ЭКО сети центральной Азии, www.rideo.tv
33. Р. Штайнер, Мой жизненный путь, изд-во "Evidentis", . 2002, 347 стр., стр. 52.
34. Э. Геккель, Мировые загадки, "Мысль", Лейпциг-СПб, 1906, 227 стр., стр. 224.
35. Ю. В. Каннабих, История психиатрии Л., Государственное медицинское издательство, 1928, интернет-ресурс: www.psylib.org
36. Г. Геффдинг, Современная философия, Изд-во О.Н. Поповой, 1907, 211 стр., стр. 36.

Գայանե Շահվերդյան

ԵՊՀ փիլիսոփայության և հոգեբանության ֆակուլտետի
սոցիալական հոգեբանության ամբիոնի վարիչ, հ.գ.դ., պրոֆեսոր

ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ. ԱՎՈՒՆՔՆԵՐԸ ԵՎ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀԵՌԱՆՎԱՐՆԵՐԸ

Բանալի բաներ՝ հոգեբանություն, բնագիտականություն, սոցիալականություն, անհատական գիտակցություն, օբյեկտիվություն, սուբյեկտիվություն:

Հոդվածում դիտարկվել են հոգեբանության երեք կերպարները և փորձ է արվել որոշել հոգեբանության առարկան նրա զարգացման ակունքների և հեռանկարների լույսի ներքո:

Gayane Shahverdyan

Faculty of Philosophy and Psychology, YSU

Dr.PhD, Professor, Head of the Department of Social Psychology

PSYCHOLOGY: ORIGINS AND DEVELOPMENTAL PERSPECTIVES

Key words: psychology, natural science, sociality, individual consciousness, mathematics, objectivity, subjectivity.

The article discusses three guises of psychological science and attempts are made to identify the subject of psychology in the light of its origins and developmental perspectives.